

Илона. - Санкт-Петербург. - 1992. - 18 лет.

Эдита Пьеха - на сцене и дома

Она на эстраде — 35 лет. И с каждым годом — все моложе, все пикантнее, все обворожительнее...

ГОСТИНАЯ в ее квартире сегодня напоминает оранжерею, буквально утопает в цветах. Заметив мою некоторую ошарашенность, Эдита Станиславовна поясняет: «Это все из «Октябрьского», с предновогодних концертов. Конечно, к асоте неопишущая, но сердце сжимается от мысли, сколько за такое чудо люди вынуждены отдавать из своей не слишком богатой зарплаты, ведь одна гвоздика, например, стоит уже пятнадцать рублей!»

Мы знакомы давным-давно, с университета, и сейчас, откровенно любящая хозяйкой дома, не удерживаюсь от восклицания:

— Эдита, дорогая, ну как так получается, что с каждым годом вы — все лишь милее, лишь пикантнее? Может, пора поделиться секретом своей вечной молодости?..

Улыбается:

— О-о, секрет — это когда знают двое, а если расскажу всем, то секрет сразу же перестанет быть секретом... Наверное, все дело в том, что, когда родители меня сотворили, природа ко мне была благосклонна. Может, все от мамы: она умерла в шестьдесят шесть, но когда шла — стройная, стремительная — по улице, со спины можно было дать не больше тридцати. Так что благодарна Боженьке и маме за то, что заложили во мне хороший, сильный организм, с которым дружу и который очень слушаю...

— И что же он подсказывает?

— Прежде всего, насчет питания: есть надо лишь то, что идет на пользу, и ни в коем случае — на ночь. И вообще — умеренно...

— Особая диета?

— Не диета, а система... Например, вместо сахара — вода с медом. Почти полностью исключила соль. Никогда ничего не жарила на сливочном масле и вообще предпочитаю не жарить, а тушить. Давно забыла вкус колбасы: всегда считала, что там — что-то мертвое, какая-то грязь. По полгоду обхожусь без мяса, не ем яйца, сыр, никаких молочных продуктов — они усваиваются организмом лишь в младенчестве. Картошку, помидоры — очень редко. Моя система питания называется макробиотика...

— Так что же актриса ест?

— Прежде всего — продукты моря: свежемороженную рыбу, морскую капусту и все такое. Еще — бобы, горох, чечевицу, фасоль. Очень полезны кукуруза, обычная капуста, свекла, морковь. Грибы. Все крупы, кроме манной. Хлеб — только черный, тесто — лишь ржаное. Например, на Новый год из ржаной муки сделала пирожки, которые начинила грибной икрой (мохoviчки купила в Вышнем Волочке, на гастролях) — объедение! Вместо соли хорошо использовать соевый соус, но для этого надо дружить с корейцами...

— Кто-нибудь из читателей «Смены» наверняка возмутится: мол, легко Пьехе, с ее высшим актерским званием («народная СССР») и соответствующими возможностями, рассуждать про «систему питания»... Попробовала бы познать нашей простой жизнью...

— И, тем не менее, моя система не требует особых ухищрений. Обычно в гастрольную поездку беру электроплитку и мешочки с разными крупами. По утрам варю на плитке кашу. Хорошо, если есть еще чеснок, лук. Или — изюм, курага — чтобы было чем кашу заправить...

— Ну а гимнастика? И вообще физкультура, спорт?

— Пока в основном — ходьба. Ежедневно пешком — с 4-й Советской в Летний сад, там — четыре круга и — обратно. На все — около двух часов...

... ..

МЫ ЛИСТАЕМ ее фотоальбомы, перебираем бережно

хранящиеся здесь самые давние снимки. Эдита поясняет:

— Вот так выглядели папа и мама, Станислав Пьеха и Фелиция Карловская, эмигранты из Польши, когда встретились на шахте в маленьком поселке Нуэль-су-Ланс, что на севере Франции. Папочка умер в тридцать семь, от туберкулеза... А это — мой брат Павел: в семнадцать лет тоже спустился в шахту, и через три месяца его не стало — тоже туберкулез... После войны мы с мамой вернулись домой. Жили на юго-западе Польши, в Судетах, в шахтерском поселке Богушеве... На этом снимке мне десять лет: длинное белоснежное платье, цветы, потому что — конфирмация...

— Может, секрет вашего шарма — как раз в этом особом «франко-польском» воспитании?

— Меня воспитывали строго — учителя, костел, мама... Маму всю жизнь называла, естественно, только на «вы». А вообще была я жуткой жизнерадостной. Не ходила, а летала. Темперамент бил через край. Занималась легкой атлетикой, пела в хоре. В 1955-м приехала в Ленинград, стала в Университете, на философском факультете, студенткой отделения психологии. И вот скоро в 13-й аудитории, на вечера первокурсников, под аккомпанемент гитариста Збышека Мусыла пою «Автобус червоний»...

— Хорошо помню ваши первые университетские выступления: озорная, но еще как-то угловатая. Поет, а руки часто за спиной...

— Да просто не знала, куда их девать — я же из шахтерского поселка, где не было ни концертного зала, ни театра, только — кино. И в Ленинграде на сборных концертах все подсматривала за другими певицами — какие на них платья, прически, макияж (моя мама никогда не красилась, самое большое, что себе позволяла, это химическую завивку). Часто навещала в Мариинку — не только ради балета, но и чтобы перенять походку балерин, их манеру держать спину, голосу...

— Наверное, многое подсказал и Броневский...

— Он только ругался: «Ты ужасно выглядишь!» Студент Консерватории Шура Броневский (всегда звал его не «Саша», а «Шура») пригласил меня на первую же репетицию хора польского землячества. Через год в том же общежитии на Мытне, в нашей 23-й комнате, сделал предложение... Мы были вместе два-три года, и, конечно же, Броневский, создатель «Дружбы» (ведь впервые открыл в стране этот жанр), интереснейший композитор, аранжировщик, обладавший высочайшим вкусом, очень мне помогал. Но, увы, постепенно развелся со мной, себя слишком много подхалимов, что и погубило наш брак. Я от него ушла... Три года, как Шура скоропостижно скончался, — пусть земля ему будет пухом...

— Наверное, все эти годы вам очень не хватало и сейчас не хватает его обожания?

— В том-то и дело, что он восхищался мною только как артисткой. Мы с ним лишь работали. Однажды грустно сказала ему: «У нас ведь только служебный роман...» В другой раз говорила: «Шура, а ведь у меня сегодня день рождения...» Он: «Ой! Возьми деньги, купи себе что-нибудь...» Господи! Да разве в деньгах дело? Пришел бы домой с подарком, хотя бы с букетом цветов. Но ему все некогда: «Зачем играть в эти сантиментальности?» И со вторым мужем разошлась, потому что тоже оказался слабым человеком. Не смог устоять перед водкой. Терпеть я могу долго, очень долго, но однажды терпение лопается — и разом все отрезаю... Почему-то люди думают, что приклонники ко мне прямо-таки в очередь стоят. Вот недавно по слу-

жебным делам сама встрети-лась с одним очень интересным человеком. Вдруг говорит: «Я тридцать лет вас обожаю, но никогда бы сам не посмел подойти. Теперь знайте, что где-то есть такой, в вас влюбленный...» Господи! Ну а мне-то что, легче оттого, что где-то он есть? И, возможно, подобных «обожателей на расстоянии» немало, но я-то одна...

— Эдита, милая, мне вот о чем сейчас подумалось. Вспоминаю ваши песни — и «Город детства», и «Маму», и «Огромное небо», и «Венок Дуная», и «На тебе сошелся клином белый свет», и еще многие другие — и понимаю, что пустячков среди них нет. Даже вроде бы такие незатейливые, как, например, «Наш сосед», и то обретают особую печать вашего шарма, вашей сущности, вашего отношения к жизни, к миру...

— Один критик как-то написал: «Да простят композиторы и поэты Пьеху за то, что она присваивает себе авторство их песен, ибо каждая песня, исполненная Пьехой, — это ее песня...» Наверное, насчет отсутствия в моем репертуаре «пустячков» все-таки несколько преувеличено, но вообще-то к песне отношусь очень серьезно: либо вообще не буду делать, либо уж вгрызусь так, чтобы — точно! — получилось. Поэтому, если попадает настоящая песня, тут уж я — на коне! Мои песни — это человеческие судьбы. Не просто какие-то пейзажи, какие-то шуточки, не просто пересказ какого-то стихотворения, нет — это судьбы, это люди... Некоторые исполнители, участвуя в авторских концертах композиторов, поют подряд все песни, которые только им дают. И я думаю: какие же они гениальные певцы, если могут порой петь даже то, что им вообще не нравится... Лично я не в состоянии спеть в песне ни одной ноты, если она не трогает мое сердце... Конечно, можно петь не сердцем, а только горланьем, когда только две голосовые связочки издают звук, но меня такое «искусство» не волнует... Бывают певцы, кото-

бывал уже на гастролях в Германии. И у пятилетней Эрики тоже абсолютный слух обнаружился...

— Как они васзовут — «бабушка Эдита»?

— Нет, просто «Дитой»... Кстати, звание «бабушки» вовсе не стесняюсь. Убеждена: бабушки как раз и должны быть молодыми, не отставать от дочерей, тщательно следить за собой. Ужасно, когда женщина живет лишь для того, чтобы есть, причем — много, калорийно, когда лишь от этого получает удовольствие...

— А какие песни мама Эдита пела своей маленькой Илонке?

— Те старые польские колыбельки, которые когда-то напевала мне моя мама... Илона родилась у меня довольно неожиданно, намного раньше положенного срока — в шесть с половиной месяцев. «Дружба» была на гастролях, а я на улице Ленина, в коммуналке, одна. Как-то поехала на трамвае к врачу, и меня тут же уложили... Вот пытаюсь сейчас вспомнить те колыбельные — и никак. Увы, профессиональная память: помню лишь то, что связано с работой. Недавно была в круизе. Причалили в Пирею. А я когда-то пела французскую песню «Дети Пиреи». Попыталась вспомнить — тщетно. Пошла по пирейскому улочкам, и вдруг — о чудо! — запела. Так что и те колыбельки, наверное, вспомню лишь в

из дома, а вас — не узнают! Трагедия?

— Наоборот, это — прекрасно! Устала от невежественных, жлобских «поклонников». Один на вокзале недавно: «Вы знаете, мы поспорили на бутылку — вы Пьеха или не Пьеха?» Поэтому на улице в основном спешу, от парадной до машины...

— Сами водите?

— Эх, если бы водила, успевала бы куда больше. Но боюсь: у меня пространственный кретинизм. Один мой знакомый гонорил: «Тебе, Эдита, надо ездить только на бэтэре — если столб снесешь, жива останешься...»

— Недавно в телепередаче «Песня-91» был такой эпизод. Зазвучала песня Игоря Талькова, весь зал поднялся, и показали крупно ваше лицо, залившее слезами...

— Да, мне было очень тяжело. Нелепость, дикость, варварство, фашизм — убить артиста из-за очередности в программе! Если бы Азиза была человеком культуры, она бы этого не допустила, груду заслонила коллегу. Артист, по-моему, — это, прежде всего, носитель добра, красоты, но многие нынче, к сожалению, стали лишь бизнесменами...

— На эстраде вы — почти тридцать пять лет. Рекорд?

— Среди нынешних исполнителей это что-то вроде рекорда. Правда, Кобзон все

Из семейного фотоальбома

пытается претендовать на роль «певица-долгожителя», но он на сцене — только с 1961-го...

— А самые первые свои цветы помните?

— Конечно. Это было на концерте в Академии тыла и транспорта, и хризантемы мне тогда подарила школьница Наташа Кузнецова. Ей было четырнадцать, значит, сейчас — под пятьдесят. Увы, всем, кто прошел со мной мой путь, уже — «за» или «под» пятьдесят... А первые розы преподнесли мне в Баку...

— Эдита, вы счастливы?

— На сцене — да, а в жизни — по-всякому... Что делать? Не может же Боженька дать все...

Лев СИДОРОВСКИЙ

● На концерте, 1991 г.
● Эдита во время конфирмации, 1947 г.
● Эдита и Илона, 1966 г.

Фоторепродукции А. Николаева